

КУРТ ВОННЕГУТ

МАЛЫЙ НЕ ПРОМАХ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
В73

Серия «Эксклюзивная классика»

Kurt Vonnegut

DEADEYE DICK

Перевод с английского
М. Ковалевой, Р. Райт-Ковалевой

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства Dial Press,
an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Воннегут, Курт.

В73 Малый не промах : [роман] / Курт Воннегут ;
[пер. с англ. М. Ковалевой, Р. Райт-Ковале-
вой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-116304-4

«Поздний» Воннегут — во всей безжалостной жестокости его острого таланта.

Странная история Руди Вальца — скромного фармацевта и незадачливого драматурга, снова и снова ищущего ответы на два вопроса.

Как случилось, что много лет назад он, совсем еще ребенок, совершил убийство? И почему именно он, до сих пор терзаемый чувством вины, оказался одним из немногих уцелевших во время катастрофы, которая унесла тысячи жизней? Чувство вины личной перетекает для него в чувство вины «глобальной», общечеловеческой. И девиз его — никого не любить, никому не верить, ни во что не вмешиваться — обретает совершенно новый, философский смысл...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© The Ranjae Corporation, 1982

© Перевод. М. Ковалева, наследники, 2019

© Перевод. Р. Райт-Ковалева, наследники, 2019

ISBN 978-5-17-116304-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Тебе, Джил

ПРЕДИСЛОВИЕ

Малый не промах — прозвище, родившееся еще в те времена, когда умение метко стрелять, бить без промаха, прямо в яблочко, вообще виртуозное владение огнестрельным оружием считалось у нас, на Среднем Западе, одним из главных достоинств настоящего мужчины. Со временем это прозвище приобрело несколько иной смысл — им награждали человека ловкого, пробивного, везучего, «любимца Фортуны»: такой своего не упустит, ему пальца в рот не клади.

Так что прозвище это двусмысленное, оно похоже на двоякодышащую рыбу, которая родилась в океане, а потом приспособилась и к жизни на суше.

Я вставил в эту книжку несколько кулинарных рецептов в качестве музыкальных пауз, чтобы у читателя слюнки потекли. Взял я эти рецепты из кулинарных книг: «Американская кухня» Джеймса Бирда, «Сборник классических рецептов итальянской кулинарии» Марчеллы Казан и «Американская кулинария» Би Сандлер. Честно говоря, я немного переделал эти рецепты, так что пользоваться этим романом вместо поваренной книги я никому не советую.

Тем более что у каждого серьезного любителя или любительницы поварского искусства должна быть собственная библиотечка поваренных книг.

В этой книге описан настоящий отель — это грандотель «Олоффсон» в Порт-о-Пренсе на Гаити. Я очень люблю этот отель и уверен, что он всем понравится. Мы с моей любимой женой Джил Кременц жили там в так называемом коттедже Джеймса Джонса. В этом коттедже была операционная, когда там стоял штаб бригады морской пехоты США: с 1915 по 1934 год бригада оккупировала Гаити, чтобы охранять американские финансовые интересы.

Фасад простого деревянного домика, как и весь отель, потом разукрасили всякой резьбой, и он стал похож на пряничный домик.

Кстати, покупательная способность гаитянского доллара равна покупательной способности американского доллара, и американские доллары там везде в ходу. Только на Гаити, кажется, не принято изымать из обращения потрепанные в употреблении доллары и заменять их новыми купюрами. Там просто принимают любую долларовую купюру, если она даже истерта до толщины папиросной бумаги и от нее остался клочочек не больше почтовой марки.

Года два назад, после возвращения с Гаити домой, я нашел у себя в бумажнике такой доллар и отослал его по почте владельцам отеля «Олоффсон», Элу и Сью Зейц, с просьбой выпустить его на волю там, где он привык жить. В Нью-Йорке он не протянул бы и дня.

Джеймс Джонс (1921—1977), американский писатель, действительно жил в коттедже, который теперь называется «Коттедж Джонса». Он со своей женой Глорией провел там первые месяцы после свадьбы. Теперь для приезжих писателей большая честь жить именно в этих стенах.

Говорят, что в этом домике завелось привидение, но это не «дух» Джеймса Джонса, а чей-то другой. Мы его ни разу не видели. Но те, кто будто бы его видел, говорят, что это молодой человек белой расы, в белом халате и как будто он напоминает служителя больницы. В коттедже две двери: сзади — выход в здание отеля, спереди — на застекленную веранду.

Говорят, что привидение всегда проходит одним и тем же путем: появляется с черного хода, что-то ищет в шкафу, которого сейчас уже нет, а потом выходит через веранду. Но ни в самом отеле, ни на крыльце его никто никогда не встречал.

Видно, он что-то натворил или подсмотрел, когда тут, в коттедже, была операционная, и его мучает совесть.

В этой книге рассказано о четырех художниках. Один из них жив: это мой друг Клифф Маккарти, он живет в городе Афины, в штате Огайо. Трое других давно скончались: это Джон Реттиг, Фрэнк Дювенек и Адольф Гитлер.

Клифф Маккарти — мой ровесник, и родился он примерно в том же районе США, что и я. Когда он поступил в художественную школу, ему постоянно вбивали в голову, что самый большой порок

для художника — стать эклектиком, заимствующим стиль то у одного художника, то у другого. А недавно в университете штата Огайо у него была выставка — отчет о тридцатилетней работе, и он говорит: «Теперь заметил, что был эклектиком». Но работы у него прекрасные и очень сильные. Моя любимая картина — «Портрет матери художника перед свадьбой в 1917 году». На ней изображена девушка в нарядном платье, и кто-то уговорил ее позировать в лодке, на корме. Лодка стоит в тихом затоне; речка совсем неширокая, ярдах в пятидесяти виден лесистый берег. И девушка смеется.

Джон Реттиг жил в самом деле. Одна из его картин находится в Музее изобразительных искусств города Цинциннати, называется «Распятие в Риме», и я ее точно описал.

И Фрэнк Дювенек жил в самом деле, у меня даже есть его работа «Голова мальчика». Это сокровище я получил в наследство от отца. Я почему-то всегда думал, что это портрет моего брата Бернарда — до того мальчик на него похож.

И Адольф Гитлер действительно учился живописи в Вене до Первой мировой войны, и вполне возможно, что его лучшая работа называлась «Миноритская церковь в Вене».

Я вам объясню основную символику этой книги.

В ней говорится о забытом и заброшенном выставочном помещении в форме шара. Это моя голова теперь, когда мне скоро стукнет шестьдесят.

В книге описан взрыв нейтронной бомбы в густонаселенном районе. Вот так же в Индианапо-

лисе уже умерли многие люди, которых я любил, когда жил там и только начинал писать. Индианаполис стоит на месте, а тех людей уже нет на свете.

Гаити — это Нью-Йорк, где я сейчас живу.

Бесполоый фармацевт, от лица которого ведется рассказ, — моя утешающая потенция. Преступление, которое он совершил в детстве, — символ всех моих прегрешений.

Это не история, а беллетристика, так что не вздумайте пользоваться этой книгой вместо справочника. К примеру, я говорю, что послом США в Австро-Венгрии, когда началась Первая мировая война, был Генри Клауз из Огайо. А на самом деле послом в то время был Фредерик Кортленд Пенфилд из Коннектикута.

И еще я пишу, что нейтронная бомба — что-то вроде волшебной палочки: людей она убивает мгновенно, а их имущество остается в целости и сохранности. Эту выдумку я позаимствовал у сторонников третьей мировой войны. Настоящая нейтронная бомба, взорвавшись в населенных местах, причинит куда больше страданий и разрушений, чем я описал.

Я неправильно написал и про креольское наречие, потому что главный герой книги, Руди Вальц, только начал изучать этот диалект французского языка. Я утверждаю, что в этом языке существует только настоящее время. Но так может показаться начинающему, особенно если креолы, разговаривая с иностранцем, понимают, что ему легче всего выучить для начала только настоящее время.

Мир.

К. В.

Кто эта Селия? Чем хороша,
Что все ее так превозносят?

Отто Вальц (1892—1960)

1

Всем, пока еще не рожденным, всем невинным, ничего не ведающим комочкам аморфного небытия: берегитесь жизни!

Я не уберегся от жизни. Я захворал жизнью в тяжелой форме. Я был легким комочком аморфного небытия, как вдруг открылся маленький смотровой глазок. В него хлынул свет, прорвался звук. Наперебой зазвучали голоса, рассказывая мне о том, кто я такой и что творится вокруг меня. Спорить с ними не приходилось. Они говорили, что я — мальчик по имени Рудольф Вальц. Так оно и было. Они говорили, что сейчас 1932 год. Так оно и было. Они говорили, что я нахожусь в Мидлэнд-Сити, в штате Огайо, — и так оно и было.

Эти голоса никогда не умолкают. Год за годом они сообщают мне все, до мельчайших подробностей. Я и сейчас их слышу. Знаете, что они мне говорят? Что сейчас идет 1982 год и что мне уже пятьдесят лет.

И болтают, и болтают...

Моего отца звали Отто Вальц, его «глазок» открылся в 1892 году, и ему сообщили, что он унаследует порядочное состояние, нажитое главным образом продажей под видом лекарства знахарского

снадобья под названием «Бальзам св. Эльма». Это был спирт, подкрашенный чем-то лиловым, для запаха туда клали гвоздику, корень сарсапарели и немного опиума и кокаина. Как говорится: «Пить-то не вредно, а бросишь — каюк».

Мой отец, как и многие наши знакомые, родился в Мидлэнд-Сити. Он был единственным сыном, и его мамаша, неизвестно почему, решила, что он станет вторым Леонардо да Винчи. Когда ему было всего десять лет, она устроила для него мастерскую на чердаке каретного сарая, стоявшего за их старинным особняком, и пригласила жуликоватого немца-мебельщика, который в молодости учился живописи в Берлине, давать отцу уроки рисования по субботам и после школы.

И для учителя, и для ученика это стало чудной халтурой. Учителя звали Август Гюнтер, и его смотровой глазок открылся в Германии году в 1850-м. Преподавание хорошо оплачивалось, не то что работа мебельщика, и при этом можно было пить сколько влезет.

После того как у моего отца огрубел голос, Гюнтер стал брать его с ночевкой то в Индианаполис, то в Цинциннати, то в Луисвилл или в Кливленд под тем предлогом, что они посетят там картинные галереи или мастерские художников. Там они ухитрялись каждый раз как следует нализаться и ходили по самым шикарным борделям на всем Среднем Западе, где стали общими любимцами.

И собирался ли хоть один из них выдать их общий секрет: что учить моего папашу писать маслом или рисовать было бесполезно?

Кто мог бы вывести их на чистую воду? В Мидлэнд-Сити искусством никто не интересовался, никто бы и не понял, есть у моего отца способности к живописи или нет. Он мог бы с тем же успехом изучать санскрит — до этого никому не было дела.

Мидлэнд-Сити не Вена, не Париж. Это даже не Сент-Луис или Детройт. Это — настоящий Бусайрос. Это — Кокомо.

Мошенничество Гюнтера, конечно, было обнаружено, но слишком поздно. Его вместе с моим папашей арестовали в Чикаго — они буянили и крушили мебель в публичном доме. Выяснилось, что отец заразился гонореей и так далее. Но отец уже был в свои восемнадцать лет забубенным гулякой.

Гюнтера разоблачили, выгнали без рекомендаций. Старики Вальцы — дед и бабка — были очень влиятельными людьми благодаря бальзаму св. Эльма. Они сообщили всем знакомым, что никто из порядочных людей не должен пускать этого Гюнтера на порог и давать ему работу — ни по столярной части, ни по какой другой, никогда.

Отца отослали к родственникам в Вену — лечиться от дурной болезни и заниматься живописью во всемирно известной Академии изящных искусств. Пока он был в море, в каюте первого класса на пароходе «Лузитания», великолепный особняк его родителей сгорел дотла. Пошел слух, что его спалил Август Гюнтер, но никаких улик не нашли.

Родители моего отца решили не строить новый особняк на старом месте и поселились на сво-

ей ферме в тысячу акров, а на пожарище остался только каретный сарай да яма — бывший погреб.

Случилось все это в 1910 году — за четыре года до Первой мировой войны.

Итак, отец явился в Академию изящных искусств с папкой рисунков, созданных в Мидлэнд-Сити. Я сам видел часть этих произведений — после смерти отца мама иногда с грустью перебирала их. Отец хорошо владел штриховкой, умел передать складки на драпировках — видно, Август Гюнтер был мастер по этой части. Но почти все на рисунках отца как-то смахивало на бетонные изделия — бетонная дама в бетонном платье прогуливалась бетонного песика, на лугу паслось бетонное стадо, бетонная ваза с бетонными фруктами стояла на окне с бетонными портьерами и так далее.

В портретах сходства он тоже добиться не мог. Он показал в академии несколько портретов своей матери, и я, глядя на них, совершенно не мог представить, как она выглядела на самом деле. Ее смотровой глазок закрылся задолго до того, как открылся мой. Я только знаю, что найти среди ее портретов хоть два схожих между собой было невозможно.

Отца просили зайти в академию недели через две за ответом, примут его туда или нет.

Он тогда одевался в лохмотья, подпоясывался веревкой, ходил в залатанных штанах и так далее — хотя получал из дому огромные деньги. Вена была столицей великой империи, на улицах было много военных в роскошных мундирах и людей в самых экзотических костюмах, вино лилось рекой, повсюду

гремела музыка, и отцу казалось, что идет настоящий карнавал. Вот он и решил нарядиться в маскарадный костюм «голодающий художник». Смеху будет!

Наверное, он был очень хорош собой, потому что лет через двадцать пять, когда я его, так сказать, увидел своими глазами, он был самым красивым мужчиной в Мидлэнд-Сити. До самой смерти он был строен и подтянут. Росту в нем было шесть футов. Глаза синие-синие. А волосы золотистые, кудрявые, и его кудри ничуть не поредели до самого того часа, когда закрылся его смотровой глазок и он перестал быть Отто Вальцем и снова стал одним из комочков аморфного небытия.

Как было условлено, он зашел в академию через две недели, и профессор вернул ему папку с рисунками, добавив, что его работы нелепы до смешного. Вместе с ним пришел еще один молодой человек, тоже очень обтрепанный, и ему тоже с презрением вернули его работы.

Звали этого типа Адольф Гитлер. Он был урожденный австриец. Приехал из города Линца.

Отец до того разозлился на профессора, что тут же отомстил ему. Он попросил Гитлера показать свои работы и просмотрел их на глазах у профессора, потом взял наугад одну картинку, сказал, что это гениальное произведение, и на месте купил ее у Гитлера, заплатив наличными больше, чем профессор, вероятно, мог бы заработать за месяц, а то и за несколько месяцев.

Примерно за час до этого Гитлер загнал свое пальто, чтобы хоть чего-нибудь перекусить, а ведь

зима была не за горами. Значит, если бы не мой папаша, Гитлер, может, помер бы с голоду или от воспаления легких еще в 1910 году.

Отец и Гитлер даже подружились — бывает, что людей так сводит жизнь, — они утешали друг дружку, развлекали, посмеивались над мэтрами, не признававшими их, и так далее. Я знаю, что они несколько раз совершали вдвоем длинные пешие походы. Об их сердечной дружбе я узнал от мамы. Когда я с годами заинтересовался прошлым моего отца, уже назревала Вторая мировая война и отец молчал как рыба о своей бывшей дружбе с Гитлером.

Подумать только: мой отец мог придушить самое мерзкое чудовище двадцатого века, мог бы просто дать ему умереть с голоду или замерзнуть под забором. А он вместо этого стал закадычным другом Гитлера.

Вот мое главное возражение против жизни как таковой: слишком уж много самых чудовищных ошибок можно совершить, пока живешь на свете.

Акварель, купленную моим отцом у Гитлера, и теперь считают лучшей работой чудовища, пока оно было художником; картинка долго висела над кроватью моих родителей в Мидлэнд-Сити, штат Огайо. Она называлась «Миноритская церковь в Вене».

2

Отца очень хорошо принимали в Вене, и все знакомые считали, что он американский миллионер, который живет под видом нищего художника, он там и развлекался почти четыре года. В авгу-